

Юрий Резник

Человек в гражданском обществе: проблема идентичности

Есть один вопрос, на который я пытаюсь дать ответ в данной статье: что значит быть гражданином и гражданской личностью, причем быть не в формально-юридическом или социально-нравственном плане, а в сущностном (бытийственном) смысле? На языке науки эта проблема формулируется как *проблема гражданской идентичности человека*.

Как известно, гражданская идентичность личности в современном социуме осуществляется посредством института (или институтов) *гражданства*. Социальный статус человека как гражданина характеризуется в свою очередь в терминах гражданства.

Западные исследователи показывают, что институт гражданства в конце XX века претерпел существенные изменения. Приведу несколько идей в подтверждение данного высказывания. Рассматривая эволюцию членства в социальном сообществе, Т. Парсонс приходит к выводу, что в современном социуме на смену *подданства*, характерного для традиционного общества, приходит гражданство как новый тип социального членства людей.

Развитие же самого гражданства включает, по его мнению, три этапа или фазы. «На первой фазе произошло создание юридических или гражданских рамок, совершенно по-новому определивших пограничные отношения между социальным сообществом и правительством или «государством». Критическим

аспектом этих новых границ стало определение «прав» гражданина, защита которых превратилась в первейшую обязанность государства»¹.

Следовательно, гражданство определяется во всем цивилизованном мире в терминах прав и свобод, которые приобретают люди как представители определенного политического общества и защиту которых берет на себя государство.

Не трудно заметить, что по данной периодизации развития института гражданства Россия находится еще на первой фазе. Мы так и не утвердили в нашем обществе приоритет прав и свобод личности. Государство, будучи неполным и бюрократическим по своей сути, не достигло еще той стадии зрелости, когда оно становится на защиту этих прав и свобод.

«Вторая фаза развития гражданства, — пишет далее Парсонс, — связана в основном с участием граждан в общественных делах»². Гражданство обеспечивает человека не только конкретными правами, но и возможностями активного участия в политических и общественных делах. Свобода предполагает ответственность, ответственность самих граждан перед обществом. Как и в случае с гражданским участием в целом, картина гражданской активности российских граждан, связанной с отстаиванием их прав и свобод, оказывается довольно-таки мрачной. Не надо иметь подробную статистику, чтобы убедиться в общественно-политической пассивности большинства населения современной России. Наша гражданская активность начинается и заканчивается сегодня формальным участием в перманентных выборах, имеющих заведомо предопределенный характер.

С другой стороны, само общество берет на себя ответственность за благосостояние граждан, за обеспечение «прожиточного» минимума, получение доступа к здравоохранению и образованию. В этом состоит, по Парсонсу, *третья фаза* развития гражданства, а точнее — его «социальный» компонент. «Если гражданские права и избирательное право дают возможность автономно реализовать свой гражданский статус, то социальный компонент связан с созданием реальных условий для лучшего пользования этими правами»³.

Анализируя опыт становления гражданства в России, могу привести множество примеров того, как корпорация чиновников блокирует каналы связи и затрудняет обретение личностью своих гражданских прав.

Обратимся теперь к другому подходу. Понятие гражданства, по мнению Ю.Хабермаса, развивается из понятия самоопределения или суверенитета народа. Оно не зависит от национальной (этнической) идентичности. Гражданство в отличие от национальной принадлежности, основанной на общности происхождения, традиций и языка, характеризует такую идентичность, которая свидетельствует о наличии политической целостности и суверенитета народа. Оно не наследуется от рождения и не передается как родовое состояние, а приобретает демократическим путем и на основе свободного волеизъявления.

Как и для Т.Парсонса, гражданство у Хабермаса является более широким по смыслу, чем традиционное юридическое «подданство», т.е. принадлежность определенных лиц к данному государству, существование которого признается международным правом. Такое членство в государстве определяется в первую очередь принципом добровольности, а уже потом местом проживания и рождения.

Хабермас характеризует гражданство следующими чертами — свободным и добровольным (коллективным или индивидуальным) членством индивидов, определяющим их принадлежность к государству или к более широкому политическому сообществу, правом на собственный выбор и самоопределение (суверенитет), социальным участием в разнообразных видах общественно полезной активности, наличием множества моделей и форм актуализации гражданских прав. Следовательно, предложенные Т.Парсонсом и Ю.Хабермасом признаки гражданства в чем-то совпадают, а в чем-то дополняют друг друга.

Добровольное членство в демократически организованном политическом сообществе дополняется таким признаком, как наличие реальных гражданских прав и обязанностей. В этой связи Ю.Хабермас выделяет две модели гражданства — либеральную, описанную Локком, и коммунитаристски-этическую, предложенную Аристотелем в его учении о государстве.

Первая (либеральная) модель гражданства позволяет рассматривать индивидов как внешних участников политического процесса, в который они вносят определенный вклад и который в свою очередь предоставляет им те или иные возможности. Она выдвигает на первый план индивидуальные права людей и их равенство перед законом. «Способность быть гражданином состоит прежде всего в способности актуализировать эти права и добиться соблюдения принципа равенства перед законом, а также — оказывать влияния на лиц, принимающих решения...»⁴.

Вторая (коммунитаристски-этатическая) модель гражданства интегрирует индивидов в политическое сообщество как части в целое. Она предполагает не отношения индивидуального членства, а коллективную практику самоопределения, где каждый вкладывает свои усилия в поддержание коллективного единства и консенсуса. Данная модель трансформируется позже в республиканскую, впитавшую в себя особенности либеральной модели и принятую в большинстве стран мира.

Либеральная модель гражданства как свободного и добровольного членства человека в данном политическом сообществе пока еще далека от реализации в российском пространстве. Разумеется, в предложенной Хабермасом концепции гражданства нам близка вторая, коммунитаристски-этатическая модель. Российские граждане еще далеки от того, чтобы в одиночку представлять и отстаивать свои права в реальном общественно-политическом процессе или в судебном разбирательстве. Им нужна поддержка коллег, друзей, наконец, чиновников. По-видимому, они являются носителями той разновидности гражданства, которая близка к традиционной модели подданства.

Гражданство не является единственной формой гражданской идентичности. Реализовывать свою принадлежность к гражданскому обществу можно также посредством освоения новых форм общественной деятельности и приобретения гражданской компетентности, организации и осуществления гражданских акций.

Реальная гражданственность личности воплощается в ее повседневных действиях и поступках, большинство из которых не ориентированы на выражение всеобщих, родовых интере-

сов, а также в осознании своей принадлежности к гражданскому обществу и его самостоятельным объединениям, создаваемым для решения сложных общественных проблем.

Механизм гражданской идентификации предполагает последовательное освоение и преобразование личностью различных модальностей ее гражданского бытия в современном обществе.

Во-первых, необходимо освоить (и присвоить) гражданское поведение как деятельность людей в сфере гражданской жизни. Никто не может быть абсолютно компетентен во всех гражданских делах. В то же время человек культивирует в себе гражданские качества, находясь в определенном социальном окружении. Поэтому первый уровень формирования гражданской идентичности связан с освоением групповых (или общностных) норм и ценностей поведения. Этот уровень мы назовем *групповой (локальной) гражданской идентичностью*.

Гражданское действие — это не просто любое автономное и сознательное поведение всякого человека, заботящегося об общественной пользе. Оно предполагает наличие реальных (а не воображаемых) способностей к практическому созиданию всеобщего (общеродового) и готовность к самоограничению во имя достижения гражданских идеалов.

Действовать в интересах других людей или ради их общего блага еще не значит быть гражданским субъектом. Гражданское действие не может быть односторонним, неполным, ориентированным только на частные (индивидуальные или групповые) интересы. Оно призвано поддерживать и укреплять целостность всего человеческого рода даже в тех случаях, когда субъект находится в локальной жизненной ситуации.

Поэтому «*овладение*» *гражданским действием* определенной группы или общности людей сопровождается длительным процессом приобщения человека к родовым (сущностным) началам социальной жизни посредством деятельностного освоения культурного наследия и принятия всей полноты ответственности за состояние дел.

Однако идентификация через освоение и реальное принятие культуры коллективного (группового) гражданского действия — важное, но не единственное условие гражданской активности зрелой личности. Другое, не менее значимое условие за-

ключается в *моделировании новых форм* (типов) гражданского действия, позволяющих эффективно решать сложные задачи, которые встают перед людьми как представителями всего рода.

Во-вторых, умение видеть всеобщее (родовое) в особенном (в определенном социокультурном контексте жизни) или единичном (в конкретных жизненных ситуациях) характеризует еще одно важное качество действующего автономного субъекта и условие его адаптации к гражданской действительности — сохранение и укрепление *национально-культурных рамок* гражданственности.

Как мы знаем, возникновению гражданской социальности непосредственно предшествует появление нации как наиболее развитой в экономическом, политическом и культурном отношении этнической общности людей. Главным условием интеграции индивидов в социальную систему выступает национальное единение (объединение) людей в рамках гражданского общества. При этом каждый социум вырабатывает собственную форму или модель национальной идентичности.

Идея этничности и этнического своеобразия общества уже не может служить главным фактором идентификации современного человека. Под этим предлогом некоторые антропологи и психологи (Г.Стейн и др.) отрицают этничность, считая ее фантазией общности, а не реальностью. Стремление обрести собственные корни Г.Стейн рассматривает как «нарцисстические попытки ... быть постоянно в детстве», и, следовательно, как регрессивную тенденцию в развитии современной культуры. Его не устраивает эмоциональный характер чувства этнической идентичности. Он считает недостатком, что язык этничности — это язык поэзии, песен, воображения и сердца. В принципе Г.Стейн ратует за универсальную модель культуры и достижение некоего унифицированного типа людей⁵.

Вряд ли можно согласиться полностью с таким представлением о статусе этничности. Этнические предпосылки (язык, фольклор, обычаи и нравы народа) лежат в самом основании обыденного уровня гражданской культуры. Рациональная и специализированная часть этой культуры формируется скорее по кантовскому сценарию. Этничность определяет лишь специфическое внешнее выражение и конкретное лицо культуры граж-

данственности. В этом смысле можно говорить об американской или немецкой гражданской культуре. Ее же всеобщий характер обусловливается причинами надэтнического и родового плана.

Разгул националистических настроений в сегодняшней России свидетельствует о росте взаимной неприязни и непримиримости между отдельными этническими группами. Национализм есть отрицание гражданственности, выражающей не этнические (или этнокультурные), а общеродовые интересы человечества в конкретной национально-специфической форме. Национальная культура, ее традиции и особенности приносят лишь своеобразие в культуру гражданственности.

Гражданская культура является синтезом общеродовой и национальной культуры. Конечно, она содержит и элементы этнической (народной) культуры, которая относится к обыденному уровню сознания людей.

Я настаиваю на том, что на данном этапе исторического развития гражданское общество может существовать главным образом лишь в определенных национальных рамках. Будучи по форме национальным обществом, оно не утрачивает тем не менее других своих основополагающих характеристик гражданственности — *актуализации родовых начал* (осуществление родового назначения человека как свободного и сознательного субъекта автономной деятельности) и преодоление *антагонизма между системным и жизнемировым началами* современного социума на основе конвенционального взаимодействия автономных субъектов.

Таким образом, *национально-гражданская идентичность субъектов* является второй формой гражданской идентичности. Наличие такой идентичности людей является условием зрелости и цивилизованности общественных отношений. Она служит в известной мере противовесом как идеологии и практике расизма, так и различных форм национализма. Истории известны многие случаи, когда абсолютизация национально-государственной идеи приводила на практике к печальным и даже трагическим последствиям — фашизму, сталинизму и пр.

В-третьих, человек как субъект гражданского общества стремится выразить свои «высшие» родовые (т.е. гражданские) качества не только в национально-специфической форме, но и

во всемирном масштабе. Он не только сохраняет национально-культурные границы, но и становится «гражданином мира», преодолевая ограничения этнической культуры и расширяя последнюю до пределов духовного существования всего человеческого рода.

«Всемирное гражданское состояние» как объединение национальных (или национально-государственных) форм гражданственности в мировом масштабе, о котором мечтал еще И. Кант, сегодня уже не кажется столь неосуществимым идеалом. На наших глазах складывается еще одна форма гражданской идентичности – глобальная.

Идею всемирного гражданского состояния разрабатывают многие современные исследователи, связывая ее с процессами глобализации социальной и гражданской жизни. «Всемирно-гражданское состояние, – подчеркивает Ю. Хабермас, – теперь уже не простой фантом, даже если мы все еще далеки от него. Гражданство (отдельных стран) и мировое гражданство образуют единый континуум, который в своих основных чертах не смотря ни на что уже начинает вырисовываться»⁶.

На этапе постсовременности вместе с расширением сферы влияния гражданского общества внутри всего социума, т.е. укреплением его «внутреннего» статуса, происходит глобализация процессов его институционализации.

На это обращают внимание и другие западные исследователи. По мнению Э. Гидденса, на основе массовой символической интеракции и общей информационной культуры возникает глобальная общественная система. Господствующее ранее национальное государство уходит в прошлое. Власть осуществляется на уровне локальных, региональных центров, в которых на первый план выдвигаются влиятельные социальные движения и гражданские ассоциации⁷.

Стремлением отметить преодоление пространственных ограничений и национально-государственных рамок объясняется тот факт, что в последние десятилетия в социальной науке все активнее возрождается и разрабатывается идея И. Канта о «всемирном гражданском состоянии». Ее сторонники (Э. Уоллерстайн, Х. Булл, Дж. Розенау и др.) стремятся доказать необходимость глобальной коммуникации, свободной якобы от

вмешательства политических субъектов. Американский политолог Х. Булл впервые вводит в научный оборот термин «*глобальное гражданское общество*»⁸. «Это гражданское общество является «глобальным» не только потому, что оно соткано из связей, пересекающих национальные границы и проходящих через «глобальное, внетерриториальное пространство», но и потому, что среди членов глобального гражданского общества набирает силу глобальное мышление»⁹.

Основой такого общества выступают различные движения и организации в защиту окружающей среды, мира, прав человека и культурной самобытности коренного населения. Они в значительно большей степени, чем государственные системы, располагают свободой в создании новых политических и культурных пространств, объединяющих людей, которые разделены своим местоположением и гражданством, в единые социальные сети.

Я считаю, что поиски моделей так называемого «глобального гражданского общества», преодолевающего «узкие» рамки национально-государственных интересов, должны вестись все же с учетом предварительного определения национально-гражданской идентичности личности.

Такова логика гражданской идентификации, реализация которой осуществляется на разных уровнях — уровне субъекта групповой деятельности, уровне нации и национальной культуры, всемирном или глобальном уровне. Каждому уровню соответствует определенная форма идентичности субъекта и его гражданского членства — групповая или локальная (член группы, локального сообщества), национальная (гражданин страны) и глобальная («гражданин мира»).

Становление человека гражданского типа в современном российском обществе характеризуется рядом парадоксов и противоречий: существенным разрывом между гражданственностью отдельных субъектов и реальным общественным состоянием; существованием гражданской морали в условиях дефицита реальных институтов гражданского общества; попытками правящей элиты достроить «сверху» формальную структуру власти суррогатными формами гражданского общества; отсутствием «среднего класса» как социально-экономической основы

гражданского общества и преимущественно социокультурным статусом так называемых «средних слоев»; неразвитостью коллективных субъектов гражданского действия.

Выводы

Критерий гражданственности общества – свободная и автономная личность, а критерий гражданственности самой личности – ответственная позиция, проявляющаяся в органическом соединении собственных интересов с идеей служения всеобщим («родовым») интересам данного общества и всего человечества.

Можно предположить, что Россия стоит в самом начале пути формирования второй фазы гражданства (по Парсонсу) с ее акцентом на участие в общественных делах или первой модели (по Хабермасу) с актуализацией прав и свобод человека.

Противоречия и трудности формирования гражданской идентичности в современной России сопряжены не только с отсутствием реальных механизмов институционализации гражданского участия людей «снизу», но и с дефицитом гражданственности личности и ее сознания. Гражданская активность человека в России проявляется преимущественно не в форме социального участия, а в виде общественного служения. Отсюда вытекает принципиальное различие в гражданской идентичности российских и западных людей.

В условиях формирования гражданской идентичности российского человека необходимо учитывать три уровня или формы гражданства: групповое членство, гражданство данной страны и «всемирное» (глобальное) гражданство. В российском обществе преобладает, как правило, такая форма идентичности, как гражданство страны и в меньшей степени представлены групповое членство и глобальное гражданство. Именно этим обстоятельством можно объяснить неразвитость «горизонтальных» и «прямых» форм гражданского участия российских людей в общественных делах.

Примечания

- ¹ *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1997. С. 36–37.
- ² Там же. С. 37.
- ³ Там же.
- ⁴ *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 220.
- ⁵ См.: *Белик А.А., Резник Ю.М.* Социокультурная антропология (историко-теоретическое введение). М., 1998. С. 268–269.
- ⁶ *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 244–245.
- ⁷ См.: Социологические теории модерна, радикализованного модерна и постмодерна: научно-аналитический обзор. М., 1996. С. 17–18.
- ⁸ См.: *Макарычев А.С., Сергунин А.А.* Постмодернизм и западная политическая наука // Социально-политический журнал. 1996. № 3. С. 151–168.
- ⁹ Там же. С. 161.